

Елена Говор, историк и писатель из Канберры, занимается изучением русских в Австралии, начиная с ранних дней истории страны и кончая сегодняшним временем. Мы продолжаем публикацию перевода глав из книги Елены Говор *My Dark Brother*. (Начало №9, 10, 11, 12, 13)

МОЙ ТЕМНОКОЖИЙ БРАТ

Елена ГОВОР

ВИШНЕВЫЙ САД НА ПЛАТО АТЕРТОН

Самодельный, гладко оструганный стол всё ещё хранил аромат орехового дерева. Николай положил на него стопку чистой бумаги. Сегодня не было дождя, и сквозь открытое окно в его комнату заглянул тихий вечер. Теперь, когда скрэб между их домом и дорогой Рассела был окончательно расчищен, из окна открылся далекий вид. Уже прошло два года с тех пор, как они взяли свой участок. Настала пора подводить итоги. Николай решил сделать это в виде писем в популярную петербургскую газету «Новое время». Его мозолистые руки, которые за последние годы привыкли к топору, пиле и лопате, с трудом обхватили перо. Но привычка скоро взяла свое и на страницу потекли ровные аккуратные строки.

«Письма из Австралии

Далеко, очень далеко Австралия от русского человека, а всё же он её нашел. Каждый японский пароход привозит в восточно-портовые города этой страны по несколько десятков наших земляков, прибывающих сюда из Сибири. Я здесь уже третий год, и движение это, начало которого приблизительно совпадает с моим приездом, следует, хотя медленно, но систематически увеличиваясь. [...] В виду же того, что необходимо считаться с установившимся эмиграционным движе-

нием из России в Австралию, полагаю, что эти заметки могут быть до некоторой степени интересными для тех русских читателей, которых причины, мне мало известные, вынуждают бросаться наудачу в далекую «заграницу» в поисках лучших условий существования. Именно за этим попал сюда и я с семьей».¹

Но так ли это было? В глубине души он знал, что для него дело было отнюдь не в «лучших условиях существования». В отличие от своих земляков с их извечной мечтой о молочных реках в кисельных берегах, Николай теперь опасался легкой удачи, опасался денег, которые сами идут в руки. Он уже обжегся на деньгах, которые текли в карманы его предков от их крепостных; он замарал руки деньгами, что платили ему как чиновнику за службу власть имущим. Теперь он признавал только один путь — тяжелый труд своими собственными руками на девственной земле. Он как будто специально искал трудностей, которые бы хранили его на жизненном пути, оберегая от повторения прежних ошибок. Только тяжким трудом он мог расквитаться со своим прошлым, расквитаться за свои неудачи в Ильинке, которая навеки оставила на нем клеймо «владельца душ»; расквитаться с зыбким, дьявольским Петербургом, где белое сливалось с черным, смешиваясь с вечными промозглыми сумерками; расквитаться даже с собой, недавним, одураченным аргентинским режимом, где свобода шла рука об руку с диктатурой.

Но Николаю нужно было не просто «расквитаться», ведь он был художником в мире, который стремительно сжимался под давлением прогресса.

¹ Здесь и далее в главе цитируется очерк: Н. Ильин. Письма из Австралии. — Новое время, 14 августа 1913 г.

Николай Ильин

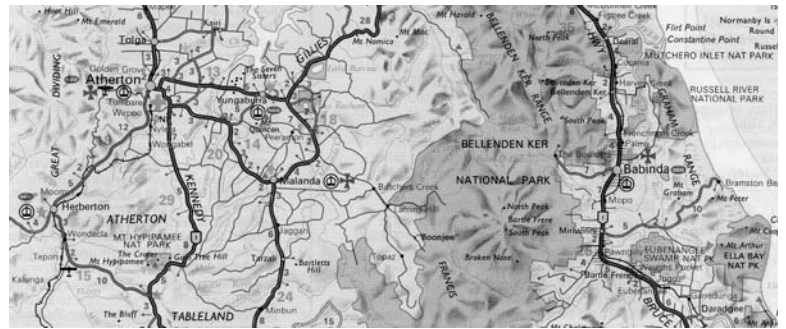
Только художникам было даровано искусство разомкнуть, разорвать эти безумные круги рационализма. Об этом порыве напоминают наивные тропические джунгли Анри Руссо, и экстатические танцоры Анри Матисса, и рай Южных морей Поля Гогена. Николай был одним из них, но полотном ему служила его собственная жизнь. Теперь, впервые, краски его были длинными — чистыми и сочными. Белое было белым, красное — красным, черное — черным. Но главными его цветами теперь стали зеленый, цвет деревьев и трав, голубой — небесного свода и золотой — солнца.

Эти новые, чистые цвета требовали и нового жанра, не стихотворения, а документального очерка, повествующего о жизни поселенца в новой дикой стране.

«Мы подъехали к городку Толга. Здесь нам пришлось обосноваться на время впредь до приискания участков. В городке, состоящем всего из сотни разбросанных домиков, оказалось четыре гостиницы, существующие на счет приезжающих фермеров и рабочих. Содержание в гостиницах, состоящее из завтрака, обеда, ужина и помещения, стоит один фунт в неделю. [...]

Осведомившись, что по взятии участка на него нельзя переселиться тотчас же, так как он представляет сплошной лес, мы наняли обыкновенную квартиру рабочей семьи: домик-особняк с двором в четыре комнаты с кухней. Цена такому помещению колеблется от 4 до 7 шиллингов за неделю. Цены на провизию соответствуют ценам наших губернских городов.

По прибытии моем с сыновьями в Атертон нам предъявили в Land-Office'е два плана местностей с размежеванными участками. В одном участки были разобраны почти все; в другом (местность Gadgarra) был еще взят лишь один участок. Опасаясь, чтобы и в Gadgarra не разобрали быстро землю, мы заявили тут же управляющему о нашем желании взять три участка, которые в течение 6 месяцев мы имели право переменить. Ничего не потребовалось кроме этого словесного заявления. Так как мы не видели участков в

натуре, то выбрали по плану те, которые были расценены несколько дороже других в надежде, что они лучше. Внесши первый взнос по пяти фунтов на участок, мы, не выходя из Office'a, получили квитанции и на первый раз формальности этим окончились».

У них ушло полдня на то, чтобы добраться из Атертона до своих участков. Они отправились на лошадях. Путь туда шел через небольшую деревню Пирамон — последний островок европейской цивилизации, — а затем по тропе Рассела (теперь она известна под названием дорога Топаз), которую проложили через лес золотоискатели, жившие южнее, в Бунджи, с конца 1880-х годов. Тропа была всего 3 метра шириной, с обеих сторон ее стеной стояли джунгли, вершины деревьев смыкались у них над головой и лучи солнца с трудом проникали сквозь густую листву, едва освещая красноватую, влажную землю под ногами их лошадей. К счастью, это был сухой сезон и по тропе можно было пробраться не завязнув. Но тропа таила другие опасности. Их предупредили не прикасаться к «жалящему дереву», с его широкими листьями, покрытыми крошечными волосками. Человек, прикоснувшийся к нему, испытывал нестерпимую боль, а затем страдал от лихорадки, продолжавшейся долгие месяцы. Если же листья дерева задевала лошадь, то от боли она могла понести, разбившись вместе с седоком. Это дерево часто встречалось вдоль тропы и в самых узких местах из-за этого приходилось спешиваться, осторожно ведя лошадей за собой.

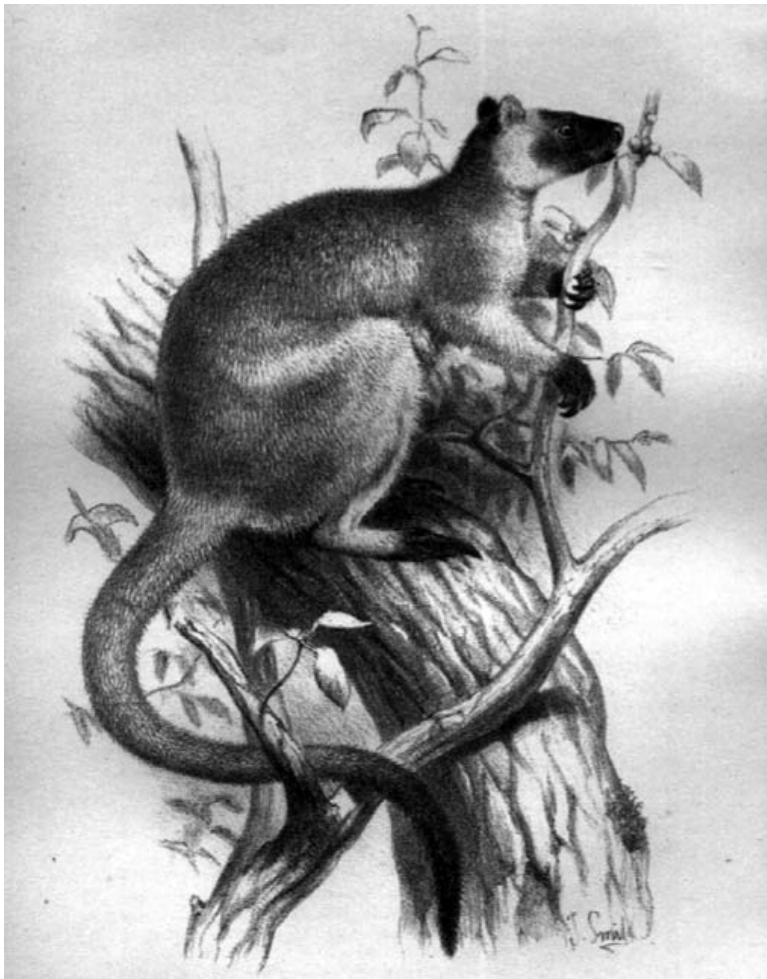
Когда Ильины наконец добрались до участка Николая — его обозначала цифра 31, написанная на колышке у тропы Рассела, — им подумалось, что их увлечение первопроходчеством

Современная карта плато Атертон, где располагались фермы Ильиных. Butchers Creek находится в центре карты. В этом месте находился участок Николая. Участки Ромелио и Леандро были около Lamins Hill. Ниже, в Вонпее, жили золотоискатели.

завело их слишком далеко. Джунгли были такие густые, что они не могли углубиться на свой участок дальше, чем на несколько метров. В округе не было ни одной живой души и только трубные звуки казуаров доносились до них из кратера потухшего вулкана ниже по дороге. Неожиданно через тропу перемахнул коричневый кенгуру, в мгновение ока он вскарабкался на дерево и, перепрыгивая с ветки на ветку, исчез в листве. Об австралийских кенгуру они уже слышали, но такой прыти от кенгуру не ожидали. Позже они узнают, что жителем их участка был древесный валлаби Лумгольца, который в кроне деревьев чувствовал себя как дома. Глаза Николая загорелись, он вспомнил свои охотничьи подвиги в Ильинке, в туркестанском Араване, а затем в Патагонии. Теперь очередь была за Австралией.

От участка Николая они двинулись вниз по тропе, чтобы осмотреть участки Ромелио и Леандро. Вскоре по правую сторону тропы они увидели

Валлаби
Лумгольца.

большую прогалину. Угли брошенного костра все еще дымились, земля вокруг него была засыпана ореховой скорлупой. Им показалось, что чей-то темный силуэт мелькнул за деревьями и скрылся. Их снова обступила тишина, нарушаемая лишь голосами казуаров. Место это, как они потом узнают, носило зловещее название — Ручей мясника (Butchers Creek). Отсюда недалеко было до участка 63, выбранного Ромелио — его кусок джунглей был у подножья высокого холма. 61 участок, выбранный Леандро, был за ним, еще глубже, и добраться туда можно было только по тропе, карабкавшейся по хребту холма, обозначенной на карте как Кэрнская тропа. Теперь, вспомнив их первое посещение участков, Николай продолжил свои «Письма из Австралии»:

«Участки наши, как и вся местность, представляли сплошной вековой полутропический лес. Первые пятнадцать акров мы срубили наемным трудом, так как дети мои, хотя и выросшие на мозольном труде, не имели понятия о местных приемах рубки леса. Пока они выстроили временный маленький барак для жилья и выкопали колодезь, пятнадцать акров были срублены. Плата рубщикам с акра по 45-50 шиллингов».

Они решили сначала бросить силы всей семьи на участок Николая и на первых порах жить там всем вместе. Свое первое жилище сыновья построили наподобие шалашей местных аборигенов. Позже Леандро писал, что в основе такой постройки был шалаш из жердей, покрытый в несколько слоев пальмовыми листьями. Умело уложенные, они неплохо защищали от дождя.² К концу октября, через пять недель после их приезда в Толгу, они перебрались в сарай, сложенный Леандро и Ромелио из бревен деревьев, срубленных на их участке. Огромный сундук Николая, наполненный бумагами и книгами, служил им столом, а чурбаки, оставшиеся от распилки бревен, — стульями. Кроватями служили мешки, растянутые на колышках, вбитых в земля-

² L. Illin, 'Correspondence', — Herbert River Express (HRE), 7 February 1942.

ной пол. Одежду развесили на импровизированных вешалках, сделанных из прутьев, подвешенных на веревочках к вбитым в стены гвоздям. Железная лагерная печь с решеткой, купленная в Толге, завершала устройство их нового жилища. Лампу на первых порах заменяла свеча — единственная свеча на много миль вокруг... В далеком Петербурге, над их бывшим домом на Никольской, шли долгие осенние дожди, а здесь наступал сухой сезон и расчищенную землю вокруг их жилища заливало солнце. Тот холодный каменный дом, та роскошная квартира с десятком комнат, с горничной, кухаркой, письмоводителем, няней и гувернанткой — да была ли она вообще?

Здесь их ближайшими соседями были старатели, промышленавшие добычей золота в Бунджи, у истоков ручья Вайрамба к югу от Гадгарры. Джордж Кларк в 1886 году нашел в этих местах рассыпное золото. Он проложил тропу в Бунджи с запада, из Хербертона, она носит его имя до сих пор. Кристи Палмерстон, бродяга и писатель, добрался на прииски почти одновременно с ним, пройдя сюда с юго-востока, по руслу реки Рассел. Некоторое время на приисках бурлила жизнь, здесь трудились несколько десятков золотоискателей. Но к 1910 году, когда государство стало нарезать земли к северу от Бунджи поселенцам, прииски потеряли свою былую славу и едва могли прокормить горсть живописных типов, отшельников и авантюристов, не вписавшихся в мир надвигающейся цивилизации. Один из них — француз Чарли Сиври — сбежал с каторги в Новой Каледонии, другой, известный под именем Том Андерсон, позаимствовал его у своего друга и бежал из Шотландии в Австралию, от наказания за убийство собутельника во время драки. Только годы спустя он узнал, что человек тот выжил и все обвинения с него были сняты.³ В те первые месяцы Ильины и не подозревали, что со временем один из их соседей-старателей — пожилой шотландец Том Деньер — станет Леандру свекром, а Чарли Сиври — свояком. Но до этого было еще далеко.

³ E. H. Short, *The Nation Builders*, Dimbulah, 1988, pp. 42–43.

Старожилом Бунджи был Фред Браун, известный под именем Бунджи Браун. Вокруг его палатки и вырос поселок Бунджи, здесь появились мясник, пекарь и кузнец, которые снабжали старателей всем необходимым. Ко времени приезда Ильиных торговым центром стал поселок Маланда, отсюда раз в две недели Чарли Бубке отправлялся по окрестным фермам, ведя на поводу лошадей, нагруженных товарами. Уже через несколько месяцев Ильины начали дополнять свой скудный рацион продуктами своего огорода — тыквой, бататом и кукурузой. Земля между пнями вырубки, смешанная с пеплом сожженных деревьев, была исключительно плодородной. Завели они и козу, обеспечив таким образом постоянный источник молока для маленького Гектора. Александра освоила искусство выпечки хлеба по-австралийски, без дрожжей, а мужчины регулярно снабжали ее дичью.

В эти первые годы одним из главных источников пропитания для них стала лесная индейка, которую они называли на австралийский лад «scrub turkey» (в русской научной терминологии она известна как индейка кустарная или большеног). Шли в дело и ее яйца. Огромные кучи из опавших листьев и перегной метра два высотой и до восьми метров в диаметре, которые нагребали эти птицы, найти было не трудно. Преющая куча представляла собой природный инкубатор, куда индейка откладывала яйца. Следил за кучей са-

Индейка кустарная.

мец; он сгребал листья, проверял температуру, засовывая в кучу свою изящную красную головку на желтой шее, и если куча перегревалась, он сбрасывал с нее верхний слой, поддерживая таким образом постоянную ровную температуру. Яйца индейки были большими и птенцы рождались сильными и хорошо развитыми. Они сами могли выбраться из кучи и обходились без родительской опеки. Мясо этих индеек было нежным и вкусным и пользовалось за столом Ильиных большим успехом. Единственным разочарованием для Николая было то, что в охоте на них отсутствовал столь ценный им охотничий азарт — вспугнутая индейка взлетала на нижнюю ветку ближайшего дерева и просто сидела там, оглядываясь по сторонам, ее большое темное тело с красной головкой делали ее легкой мишенью для охотника.

Леандро, годы спустя, вспоминал о своем опыте жизни в австралийском лесу и, конечно, о лесных деликатесах:

«Я думаю, что я ел все виды лесной пищи — казуаров, эму, древесных кенгуру, древесные личинки, ковровую змею, кенгуровую крысу (это деликатес) и многое другое, даже ехидну. Некоторые из них превосходны, некоторые терпимы, а к некоторым приходится прибегать только чтобы не умереть с голода. Лучшие среди них: 1) цыпленок кустарной индейки прямо перед тем как он должен вылупиться из яйца; 2) личинки, которые можно найти в стволах деревьев в зимние месяцы; 3) молодой казуар; 4) детеныш кенгуру или валлаби, которого мать еще носит в сумке; 5) кенгуровая крыса — в тушеном виде она напоминает кролика, а в жареном — цыпленка; 6) летучие лисицы; 7) ехидна».⁴

Если бы не лес, покрывавший их участки, условия жизни в Австралии и в самом деле могли бы показаться превосходными. В одном из писем в русские газеты Николай писал, что у них «почва прекрасная, климат лучший в мире и дождей изобилие». Но самым впечатляющим аргументом было количество земли, которую они с такой легкостью получили: «Мы занимаем 3 участка земли по 160 акров каждый

(немного менее 60 десятин)», — писал Николай. Земельные наделы в России, например у крестьян в его родной Ильинке, составляли всего 6-8 акров на человека. Михаил Гадалов, поселившийся вскоре рядом с Ильиными, писал в сибирскую газету с не меньшим энтузиазмом: «Поздравьте же меня! 160 акров роскошной земли в местности со здоровым, чудным климатом в 30 милях от моря по прямой линии и на высоте 3000 футов по цене 35 шиллингов за акр с рассрочкой платы на 21 год».⁵

Но не все было так просто. Стоимость земли была довольно высокой по сравнению с другими районами Австралии. Выше всего были расценки на участке Николая — 50 шиллингов за акр, на участке Ромелио — 45 шиллингов, и на самом отдаленном от дороги участке Леандро — 40 шиллингов. Это означало, что их годовые платежи составляли от 10 до 7 фунтов.⁶ В первые годы поселенцы не получали от своей земли никаких доходов, но должны были вкладывать деньги в расчистку и благоустройство участков, в постройку жилья, содержать себя и свои семьи, что было невозможно без первоначального капитала или займа в банке. Ильины, в отличие от многих русских, добравшихся до Австралии без гроша в кармане, привезли с собой деньги, вырученные от продажи своего патагонского ранчо. Капитал Николая составлял 1500 фунтов — большие деньги по тем временам, когда годовой заработок рабочего был всего 50-100 фунтов. Свой капитал Николай вложил в разработку их главного участка. Но даже с капиталом надо было потратить десяток лет тяжелого, «мозольного» труда на расчистку 160 акров джунглей и преобразования этой земли в ферму. «Знаете — прямо жуть берет, когда представишь себе эту уйму труда и расходов!» — писал их сосед Гадалов.

И все же Николай был уверен, что Австралия предоставляла наилучшие

⁴ L. Illin, 'Correspondence', — HRE, 17 February 1942.,

⁵ М. Гадалов. Русские эмигранты в Австралии. — Далекая окраина, 21 августа 1911, с. 2.

⁶ Queensland State Archives (QSA): LANP69A, 1545, 1546, 1547.

условия для трудящихся. Его первые впечатления были самыми радужными. Через полгода после приезда он писал в земельный отдел (по-французски, компенсируя тем свое незнание английского): «Приехав из Аргентинской республики с намерением стать колонистом в этой стране, я поселился с семьей, взяв участки 31, 61 и 63 в Гадгарре (район Атертона), и я чрезвычайно доволен имеющимися для этого условиями, доволен настолько, что я написал своим бывшим соседям в Патагонии, которые ждали известия от меня, чтобы они последовали по моим стопам».⁷

Ильины были намерены возместить свои расходы сторицей и получить прибыль от своих участков. Главным препятствием в этом был скрэб. «В то время в скрэбе не видели ничего хорошего, это был враг, которого надо было уничтожить во имя прогресса, и уничтожить как можно скорее во имя выживания», писал о тех временах старожил Эдгар Шорт.⁸ «Скрэб» — это был местный термин, использовавшийся на плато Атертон для обозначения того, что называют более поэтическим термином «rainforest», влажный тропический лес, джунгли. Первые поселенцы принесли сюда название «скрэб» из других, более сухих частей Австралии, где этим словом обычно обозначали бескрайние заросли труднопроходимых кустарников.

Это слово стало синонимом отдаленных, неосвоенных районов Австралии. Атертонский «скрэб», напротив, был очень высоким. Толстые высокие стволы могучих деревьев переплетали лианы, поднимавшиеся к кронам деревьев, на высоту 30 метров. Земля, где царили вечные сумерки, была покрыта упавшими,

гниющими стволами и густым подлеском, который тоже стремился вверх, к солнцу.

В мире, где уже были изобретены автомобили, пароходы, аэропланы, человек противостоял скрэбу один на один, вооруженный лишь топором, доской-платформой, да своей ловкостью. Ильиным предстояло этим искусством овладеть. Николай сделал подробный отчет о местном способе лесоповала:

«Лес рубят, оставляя высокие пни, так как порубка, по высушке, сжигается. У корня не рубят, так как местные сорта деревьев отличаются необыкновенным утолщением ствола внизу. Некоторые стволы срубают на высоте 3-8 аршин. Для этого на стволе делают глубокие вырубki и в самую верхнюю вставляется доска с железным наконечником. Стоя на этой доске, рубщик исполняет свою работу. Нужна сноровка и привычка, чтобы быть устойчивым, нанося удары большим тяжелым топором, и держаться на колеблющейся, едва держащейся в стволе дерева доске; нужна ловкость и опытность, чтобы знать, когда соскочить с нее в те мгновения, когда подрубленный лесной гигант начнет издавать легкий треск, предшествующий падению. Неосторожность и неловкость нередко оплачивались ушибами, увечьями и даже жизнью, так как одно дерево сшибает в своем падении ряд надрубленных других, уклонение же рубщика от иногда скрещивающихся падений очень стесняется тем, что почва завалена срубленными стволами, ветвями и цепкими лианами. Рубка — это спорт среди местного населения. Соседи были удивлены, когда мои сыновья, в особенности младший, очень скоро стали успешно рубить, и на порубке их возвышались пни деревьев, срубленных на большой высоте, что составляет гордость каждого рубщика-спортсмена».

Рубка леса с доски, вставленной в ствол, была рискованной техникой, но она облегчала и ускоряла работу. Без нее на то, чтобы свалить одно дерево в 3-4 обхвата толщиной, надо было бы

Рубка дерева с доски, вставленной в ствол.

⁷ QSA: LAN/DF, 89, Atherton 1545.

⁸ Short, The Nation Builders, p. 69.

потратить целый день. Благодаря использованию доски, дерево можно было рубить гораздо выше от земли, там, где ствол был тоньше. Массовый повал соседних надрубленных деревьев, которые сбивал на пути своего падения подрубленный гигант, при точном расчете мог распространиться на целый акр леса.

Звон топоров перекликался с протяжными вскриками птицы-бича, доносившимися из лесной чащи, а затем Леандро или Ромелио кричали: «Береги-и-ись!» и земля содрогалась от падающих одно за другим деревьев, взметавших в воздух ветви и листья. После повала земля была похожа на поле боя. Высокие обломанные пни торчали над месивом из стволов, ветвей и лиан, засыпанных темно-зеленой листвой. Николай иногда отправлялся на место повала с маленьким Гектором — посмотреть на зверьков, оглушенных падением, которые, придя в себя, выбирались из-под ветвей. Посумы, коричневые или черно-белые, с большими розоватыми ушами и длинными цепкими хвостами, смотревшие на окружающий хаос недоуменными круглыми глазами, напоминали химер. Самым диковинным среди них был зеленый кольцехвостый посум с белой шерстью на ушах и на брюшке и густой серовато-зеленой шерстью, покрывавшей спину и хвост. Эта уникальная зеленоватая шерсть делала его невидимым в листве деревьев.

В скрэбе жили и животные другого рода — не такие заметные, но более опасные. Это были пиявки и клещи. С ними Ильины, и особенно Ромелио и Леандро, проводившие весь день в лесу, познакомились, когда в январе полили дожди. От бесчисленных пиявок не было спасения — незаметно они заползали под одежду и в обувь и там присасывались на своем излюбленном месте — между пальцами. Носки, когда мужчины вечером разувались, часто были пропитаны кровью. Ранки, оставленные пиявками, с трудом заживали, и даже медицинский опыт Николая не мог тут помочь. Крошечные клещи залезали под кожу, особенно на ногах, и тело начинало нестерпимо чесаться. Местный способ защиты от них состоял в применении парафина. Иногда им встречался краснобрюхий черный аспид — ядовитая змея, которая, впрочем, сама не нападала. Ковровая змея — питон длиной в несколько метров — выглядела устрашающе, но была вполне безобидной. Местные жители научились у аборигенов употреблять

ее в пищу, готовя как угря. Именно здесь Леандро научился обращаться со змеями, позже он даже будет подрабатывать ловлей змей и добычей их яда.

...Солнце спустилось к вершинам деревьев, стоявшим стеной по другую сторону тропы Рассела. Через открытое окно Николай услышал тревожный, одинокий вечерний посвист лесной курочки. Он закрыл окно, зажег керосиновую лампу и вернулся к своему письму.

«Между сортами леса попадают ценные, как то: кедр, редбич, вайтбич и буллок. Первый очень редок; но зато счастливцев, у которого на участке оказывается такое дерево хотя бы средней величины, выручает за него 100-200 фунтов. Были удачники, которые на участке в 160 акров, стоящем 300 фунтов, находили кедр, за который выручали 500-700 фунтов. На большей же части участков кедра нет, и не на всех есть редбичи и вайтбичи, которым средняя цена от 4 до 10 фунтов. На одном из наших участков этих деревьев оказалось несколько десятков (на двух других их почти нет), но в виду того, что наши участки отстоят от железной дороги на 12 километров, покупка нашего леса наступит лишь после того, как весь ценный, что ближе к линии, будет скуплен и вывезен. Впрочем, на значительную выгоду от продажи леса колонисту рассчитывать трудно, это дело счастья, так как, во-первых, не на всех участках есть ценные породы...»

Увы, Николай не подозревал, что именно на одном из их участков, у Леандро, росло дерево, которое могло бы принести им целое состояние. Лет 25 спустя, когда их участки были уже давно проданы, Леандро, читая газету, наткнулся на фотографию кедра, срубленного на его участке. Он был таким огромным, что пятнадцать человек могли танцевать на срубленном пне. «Ох, сколько бы денег я смог получить за него, если бы этот участок все еще был моим», — только и сказал он, вспоминает его дочь Флора.⁹

Николай с увлечением стал развивать новую тему:

«...во-вторых, несмотря на колоссальные лесные богатства этого побережья, эксплуатацией его занимаются две ничтожные по капиталу фирмы (и то с недавнего времени), которые в виду ограниченности своих средств основывают успех предприятия не на развитии его

⁹ Tape 5B401.

до значительных размеров, а на стремлении скупать за бесценок самые ценные породы, но и из этих далеко не все ими покупаются: многие необыкновенно высокого качества, как, например, темный орех, вовсе не находят покупателей, и колоссальные высшего качества деревья просто сжигаются для очистки поля».

Николай не был бы самим собой, если бы он не раскритиковал хищническую практику уничтожения леса — он был одним из первых европейцев, забивших тревогу по этому поводу на плато Атертон, — но положение изменить он не мог. В декабре они начали сжигать лес, поваленный на их участках. Во время сухого сезона, который продолжался с июня по январь, поваленные деревья высохали, и теперь пламя превращало тонны ценнейшей древесины в столбы дыма, поднимавшиеся в небо изо дня в день. На многие годы эти столбы дыма над Гадгаррой стали приметой Рождества, которое приходилось как раз на это время.

Участки земли после выжигания выглядели безобразно и уныло — обугленные стволы лесных гигантов лежали во всех направлениях, засыпанные углем и пеплом, а между ними одиноко торчали обгорелые, высокие пни. Однако для фермера эта картина являла собой свет в конце туннеля. Теперь наконец-то он мог получить первую награду за целый год изнурительного труда, за мозоли, пот и кровь. Награда состояла в удивительном плодородии почвы, образованной вулканическими отложениями, вековым лесным перегноем и свежим пеплом. Уже через пару месяцев посеянная трава поднималась в рост человека и, как вспоминает Эдгар Шорт, часто во время дойки в ней было трудно найти разбредшихся коров.¹⁰

Николай об этом тоже писал с энтузиазмом:

«По выжженному полю сеют обыкновенно траву для молочных ферм или сажают маис или тыквы под мотыгу, так как пахать еще нельзя вследствие множества пеньков. На каждый акр засеянной травы по местному расчету полагается одна корова, которая в удойный период дает масла (отправляемого на местные заводы) приблизительно на один фунт в месяц. Простоквашей откармливаются свиньи, что составляет другую значительную статью дохода».

Николай на время прервал работу и вышел из дома проверить свои посадки. Ночное

небо было чистым. Это значило, что ночью температура может резко упасть. Хотя плато Атертон и располагалось в тропическом поясе, здесь, на высоте 700 метров над уровнем моря, в зимнее время иногда по ночам бывали заморозки. Николай спустился по тропинке в свое заповедное место, в свой вишневый сад. Вишни в нем, правда, не росли, там были посажены фрукты, более подходящие к тропическому климату — бананы, апельсины, ананасы и персики. Но сад был именно тот, чеховский, любовно посаженный и взращенный его собственными руками на радость людям.

В далекой Ильинке цвел его первый сад, сад его детства, спускавшийся к берегу реки Щербедины. Это о нем, казалось, говорил Чехов: «Ваш дед, прадед и все ваши предки были крепостники, владевшие живыми душами, и неужели с каждой вишни в саду, с каждого листка, с каждого ствола не глядят на вас человеческие существа, неужели вы не слышите голосов... Ведь так ясно, чтобы начать жить в настоящем, надо сначала искупить наше прошлое, покончить с ним, а искупить его можно только страданием, только необычайным, непрерывным трудом». Чеховские герои верили: «Земля велика и прекрасна, есть на ней много чудесных мест». «Мы насадим новый сад, роскошнее этого, ты увидишь его, поймешь, и радость, тихая, глубокая радость опустится на твою душу, как солнце в вечерний час».

Николай, один из немногих русских, последовал этому совету буквально. И теперь он с нежностью смотрел на тонкие саженцы персиков и на пышные кусты бананов и ананасов, а у него над головой кружились светляки, и в небе, высоко над ним, горели причудливые южные созвездия. На миг сердце его сжалось — как принять этот чужой мир, как найти в нем место для своей русской души, как вырастить свой вишневый сад далеко от России, где никто не посягнет на него, как на сад чеховских героев, но никто и не поймет его потаенного смысла.

Молодой месяц, взошедший над стеной джунглей, вместе с Николаем слушал далекие тревожные крики совы. Взволнованный, Николай поспешил по тропе к дому, к своему столу. Вскоре он снова был самим собой, и новые строки уверенно потекли на бумагу из-под его пера. ■

¹⁰ Short, *The Nation Builders*, p. 30.

(Продолжение следует)